

Это было в Якутске. Вместе с писателями туда приехала Татьяна Петрова — предполагалось, что она даст серию концертов для жителей Республики Саха в дни работы выездного пленума правления Союза писателей России. Но этого не произошло, потому что программа уже была выстроена и «ломать ее никто не будет» — так объяснили гостям хозяева. Еле-еле добились, чтобы Петровой позволили поучаствовать в гала-концерте, подготовленном для участников пленума якутами. Зачем тогда ехать в такую даль?.. Какая-то ноющая боль поселилась в душах, ее чувствовал каждый, хотя вроде бы прием, оказанный Союзом писателей России и президентом, и правительством Республики Саха, был радушным. Но все, что происходило, было похоже на отношения между иностранными государствами. Татьяна Петрова была молчалива, замкнута, и немой вопрос, застывший в ее глазах: почему же мне не позволено петь, ведь здесь живет столько русских?! — прочитывался всеми, кто с ней встречался. По завершении пленума российский писатель принял президент Республики Саха М. Е. Николаев. В новом, сданном к приезду писателей здании института языка и литературы шла торжественная церемония: речь президента, посвященная перспективам культурного развития Якутии, награждение премиями за переводы произведений якутских писателей. Не молчали и музы. Вышла на сцену и Татьяна Петрова. Она вышла спокойная, ясная, и не одно сердце, наверно, встрепенулось в восторге. Она запела: «Замолчали всюду звонницы, и Россия, как покойница, птицу ждет с живой водой...»

Мелодия, голос, слова горькой правды о страдающей Родине разорвали ряску светского взаимопонимания, и непрошенные искренние слезы потекли по щекам — плакала душа оскорбленного и униженного советского человека. И не все ли равно, была ли это русская поэтесса Надежда Мирошниченко или адыгейский писатель Исхак Машбаш — в этот миг они были едины в своем понимании трагедии поруганной Родины... А голос, чистый и сильный, продолжал вести мелодию:

Не Россия вас обидела,
Не она — исток беды...

Татьяна Петрова сделала то, что и необходимо было сделать: на душе стало легче — горькая, трагичная, но святая правда расковала замерзшие сердца, дала возможность посмотреть друг другу в глаза честно и открыто. Да и чего таиться? В доме нашем беда общая, и выбираться из нее надо всем вместе... Что подтолкнуло Татьяну Петрову выбрать из огромного ее репертуара именно эту песню — «Птицы русские» на слова поэта Константина Скворцова?

Уже в воздухе, под гул моторов самолета, когда в озаренной солнцем небесной синеве сквозь снежность облаков мы прорывались из края вечной мерзлоты в трагический распад прославленной в веках столицы России, я решила спросить Татьяну об этом.

— Душа, наверно, подсказала, — ответила она просто. Потом надолго ушла в себя, а затем тихо добавила: — Ведь состояние духа — самое главное в человеке.

— Каное «состояние духа»?

— Я не знаю, как это объяснить... Предавать нельзя... Родину.

Она посмотрела ясно, открыто и, глубоко сосредоточившись на каком-то только ей ведомом движении в самой себе, добавила:

— Я думаю, что жить надо, соответствуя тому, что было на Руси всегда. Ясность духа приходит с верой. А в нашей исконной вере самое главное — мысль о высоком достоинстве человека. Сейчас попраю это достоинство, все мы понимаем, чувствуем это, а как защитить душу свою, не знаем. Это может подсказать только духовное зрение, которое хранится в нашем наследии — в образах тех наших православных предков, что много верили и много любили, тех, что отличались преданностью делу, верностью долгу, любовью, нежностью и заботливостью, терпением, кротостью, великодушием, бескорыстием, самоотвержением, самопожертвованием, — это образы наших отцов и матерей. Вера дает ясность духа, и тогда мы поступаем правильно.

— Уже несколько лет вы обращаетесь к соотечественникам с удивительной песней:

«Заповедано беречь веру с Родиной,
Ну а мы ее распродали да пропили...
Вы выпеваете эти горькие слова, в них рождаются раскаяние, надежда, что, покаяв степеня своего падения, люди соберутся с силами, воспрянут. Но... время проходит, и все остается по-прежнему...»

— Я думаю, что это не совсем так. Медленно, но просыпается людской интерес к православию. Ведь оно дает знание о России, связь на высоком духовном уровне с Родиной. И человек начинает понимать, от какого поступка ей больно, от какого — хорошо. Но нельзя навязывать веру насильно, это сугубо интимное, личное. Я была поражена, когда вдруг «Русский вестник» опубликовал такой

призыв: «Певицы, все пойте песню «Православные!»... Это же не делается по призыву, к этому нужно прийти душой.

— Вы уже многие годы связаны с патриотическим движением, находитесь на самом острие его борьбы. И не «сделали карьеры», официальные власти избегают вас... Может быть, традиционная судьба певицы была бы «хлебнее»?

— Нет.

Это прозвучало категорично и с ноткой внутренней обиды. Она сразу замкнулась. Но чуть позже, преодолев себя, объяснила:

— Тогда бы я не состоялась. Только внутренняя соотнесенность с судьбой России дает мне и голос, и силы, и

все жиди в дружбе, и мы начали строить мечеть и православный храм. Когда шло строительство мечети, постоянно приезжали люди семьями, помогали строительству. А на открытие православного храма пришли 3—4 старушки...

Я проехала по всем крупным городам Казахстана — Алма-Ате, Целинограду, Кокчетаву, Кустанаву. Были такие города, где русское население составляет половину от всех живущих. Сегодня русские подвергаются дискриминации — даже детям негде учиться. Все эти годы, с самых первых лет перестройки, в музыкальных училищах, например, воспитывают только на пластинках — ни одного

Соб. Россия. — 1995. — 8 июля

ДУШИ ВСЕ ЗАЧЕХЛЕННЫ

разум. Это служение дает силы идти вперед вопреки всему.

— Расскажите, пожалуйста, как вы жили эти последние полгода.

— У меня была очень большая, насыщенная поездка по Казахстану. И я ездил в Иерусалим с владыкой Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладозским.

— У вас там были концерты?

— Нет. Это было паломничество. В моей жизни впервые! Общение с таким удивительным человеком, как владыка Иоанн, рождает в душе огромные силы. И группа была им подобрана удивительная. Люди совершенно разные: и интеллектуалы, и чиновники, и просто старушки-прихожане из той епархии на Волге, где раньше служил отец Иоанн. Люди, разные по культурному опыту, были абсолютно едины в отношении друг к другу, освещенном любовью. Я чувствовала такое тепло и понимание, которого, наверно, никогда не испытывала раньше. Мне так легко было впервые. Люди духовно объединились в молитвенном состоянии о России у самых истоков православной веры. И у меня осталось твердое убеждение после этой поездки, что все-таки Господь здесь, у нас, в России.

— Иерусалим встретил вас хорошо?

— Да как сказать... Православным у гроба Господня служить не позволяется. Из православных только грекам разрешена служба. Слово «православие» в путеводителях не упоминается, и митрополиту Иоанну только единожды было дано совершить литургию у гроба Христа вместе с греками. Одному ему служить не позволили. Воистину подвижнический труд наших монахов в Горнем монастыре. Бытовых условий там нет никаких, жара страшная, не выдерживают и молодые — умирают, но все равно несут свой духовный крест. Они считают, что в этом святом месте они смогут отомстить грехи наши, отомстить России.

— И вы за этим ездили в Иерусалим?

— Ну, конечно. Молитва о России — самая первая, самая главная.

Когда я была в Казахстане — это была поездка по просьбе владыки Алексия Алма-Атинского, который пригласил меня выступить перед русскими общинами (ведь до начала перестройки 60% населения Казахстана было русским) — один председатель совхоза рассказал мне такую историю: я стараюсь, говорил он, чтобы

гастролера за эти годы не было, они не слышали ни одного музыканта вживую. И был у них какой-то окопный. Такого никогда не было: страшный духовный голод — ни телевидение не дает русской музыки, ни радио.

— А как прошли ваши концерты?

— Хорошо, в лучших концертных залах, в театрах. Мне хотелось помочь русским людям укрепиться в их стойкости — они чувствуют, что не могут уехать с исконно русских земель, и будут стоять до конца, пока не придет справедливость.

— Вы верите, что это когда-нибудь сбудется? И вообще, есть ли у вас ощущение, что вся ваша деятельность не напрасна?

— Думаю, что да. Я сузу об этом по своим студентам. Я преподаю в Гнесинском институте на отделении сольного народного пения. Учиться очень тяжело, люди из других городов получают мизерную стипендию, на которую можно купить только 1 килограмм сыра. Но они не бросают учебы. Я никогда не навязываю ни своих решений, ни своего репертуара. Я воспитываю их своей жизнью в искусстве. И вижу, что результаты хорошие — они понимают, что такое быть певицей для народа, какая это большая ответственность и что это такое — выходить на сцену, являясь как бы собирательным образом народа. Они стойко идут этой тропой, не покоряясь требованиям моды, не предавая себя и те песни, которые они выбирают, свидетельствуют о том, что зерно, которое в них было брошено, прорастет.

— А зерно, брошенное в зал?

— Я, как женщина и как мать, не могу призвать к оружию. Но я призываю всех отряхнуть с себя отвлекающий дурман и сказать «Нет!» разрушению. Ведь нам необходимо защитить землю, на которой мы живем, на которой жили наши предки, нам необходимо отстоять наш взгляд на жизнь. Нам всегда была чужда власть денег. У русского человека это всегда было на последнем месте. И даже те люди, которые польстились на злато, я думаю, поймут наконец это. И Россия всегда существовала не благодаря чему-то, а вопреки, и по никому не понятным законам являла миру свою духовность. У нас всегда ценили благородство. И в советские годы, какие были завоеваны высоты в образовании, наши силы были брошены на то, чтобы развивались

наука, культура! И они развивались.

— Вас часто называют символом России. Какая она в вашем понимании?

— Добрая, стойкая, закаленная и нестигаемая. И если даже это какой-то плач — это плач высокой души. В своем творчестве я ставлю перед собой задачу (на мой взгляд, скромную) — сделать все, чтобы люди вернулись к своему национальному естеству и полюбили его. Потому что в каждом человеке заложена жизнь очень многих других поколений, и, когда он этого не чувствует, когда он оторван от национальных корней, он начинает метаться. Но, когда он ощущает жизнь прошедших поколений, он становится крепче и умеет отличить белое от черного. Когда я поко, я надеюсь и хочу, чтобы люди, слушая родные мелодии, полюбили себя, полюбили Россию, потому что очень многие сейчас в гневе и ругают ее. Но разве можно ругать мать, тем более когда она больна, поругана?

— Резонанс, который получил ваш сольный концерт в Колонном зале в Москве, посвященный памяти маршала Г. И. Жукова, был огромен. Наверное, никакой съезд, никакой форум не собирали столько лучших людей современной России.

— Это был, мне кажется, лучший концерт в моей жизни. Я к нему долго и упорно готовилась. Накануне встречалась с дочерью маршала, Марией — мне было очень важно знать о Георгии Константиновиче все. И если я имею право сказать, что для меня значит народный маршал, — то это русский полководец, славы и честью увенчанный. Почему мне хотелось спеть концерт в его честь? Потому что он, как никогда, нужен Родине — в нем столько бесстрашия, непоколебимой силы и уверенности. Это так сейчас нужно русскому народу. После концерта ко мне подходили ветераны, и я была поражена, когда они говорили мне, что во время войны испытывали больше радости, чем сейчас, в мирное время — тогда они чувствовали свою необходимость для Родины. И я поняла, слушая их, что эта война, 50-летие окончания которой мы недавно отмечаем, — это чудо духа и чудо воли, которые проявил советский народ, и русский народ прежде всего, и это чудо навсегда останется гордостью мировой истории, как бы ни старались пигмеи его унижить. В этом концерте мне хотелось отразить в первую очередь народное величие — ведь Георгий Константинович столько раз подчеркивал подвиг солдата, мне хотелось показать войну, спетую народным голосом, и я пела самые любимые песни Г. К. Жукова: «По диким степям Забайкалья», «Когда б имел златые горы...» Песни, которые в свое время исполняла Л. А. Русланова: эпические, распевные, такие, как «Меж высоких хлебов затерялся...» Я спела эту песню на слова Н. Некрасова с тем куплетом, который не позволялось петь даже Руслановой:

И пришлось нам нежданно, негаданно,
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без лада,
Без всего, чем могилка крепка.

Я пела в этом концерте и несколько новых вещей, таких, как «Северный псалом» и как «Душа моя, душа», услышанные мною в одном из вологодских храмов. Я старалась передать это музыкальное впечатление, которое так меня потрясло в Вологде чистотой и высотой души исполнителя.

— Почему же тогда вы отказались петь в концерте в Кремле во время празднования 50-летия Победы?

— Потому что я не могла быть среди тех людей, которые принесли столько горя моей Родине. Приезжать на такой праздник — это лицемерие с их стороны, и я не хотела их в этом поддерживать.

— Есть в вашем репертуаре песня, слушая которую, чувствуешь, как бежит мороз по коже. — «Лишь бы не было войны».

— Это песня на слова Константина Скворцова, музыка композитора Тимошенко — в ней отражено то безмерное благородство русской души, над которым сейчас пренеброчно потешаться.

А убитым смыч
Прячут раны боевые
Под цветами полевыми
Голодающей страны,
Лишь бы не было войны.
Души все зачехлены,
И старик в х/б помятом,
Прикрывая грудь плакатом,
Ждет расстрела у стены,
Лишь бы не было войны...

Но я уверена, что в душе моего народа эта песня рождает ту необходимую ему крепость, которая обязательно прибудет.

Когда я выхожу на сцену и поко, мне кажется, что у меня вырастают крылья. Мне трудно рассказать про это состояние. Приведу сравнение — у А. Платонова есть образ мальчика Никиты, который говорит: «Я ничего не знаю, я только маму люблю». Так и я. Когда я выхожу на сцену, я только люблю. Люблю Россию. Наверное, я не отдаю себе отчета в полной мере, что я делаю, просто меня переполняют любовь и вера в русский характер и русское будущее.

Веселу вела
Галина ОРЕХАНОВА.